УДК 327.8

Вадим СМЕРНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ И ЭСТОНИИ В 1990–2019 ГГ.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Статья поступила в редакцию 16.07.2020

Аннотация. В статье проанализирована трансформация властных групп Латвии, Литвы и Эстонии в период 1990–2019 гг.: от провозглашения независимости стран Прибалтики (последней это сделала Латвия в мае 1990 г.) и демонтажа прежних институтов управления до формирования элитами современного политического порядка. Поставлена цель выявить основные факторы трансформации каналов и механизмов формирования властных групп, определить общие и особенные черты данного процесса, соотнести их с ключевыми решениями элит, определившими политические приоритеты стран Прибалтики в новейшее время. С целью количественного анализа перемен в составе элит использованы данные из открытых источников о карьерных траекториях 886 политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии. За основу позиционного анализа взяты парламентские электоральные циклы в силу определяющей роли, которой обладают парламенты в политических системах стран Прибалтики в соответствии с их Конституциями. Трансформация властных групп Латвии, Литвы и Эстонии проходила в схожем политико-историческом контексте. Однако вести речь о единой «элите Прибалтики» как консолидированной на межгосударственном уровне общности властных групп трех стран не корректно. Выявлены общие черты трансформации властных групп Латвии, Литвы и Эстонии, но вместе с тем – и особенности, свойственные каждой стране. Так, в элитах Эстонии меньше всего представителей экс-номенклатуры, Латвия лидирует по количеству ставленников бизнеса во власти, Литва – по числу выходцев из зарубежных диаспор. Элиты стран Прибалтики чаще становятся конкурентами, чем единомышленниками, хотя и сохраняют при этом элементы политической координации, в частности, на российском направлении.

Ключевые слова: элиты, властные группы, страны Прибалтики, Латвия, Литва, Эстония, трансформация, Россия.

Образовавшиеся после распада Советского Союза и социалистического содружества страны демонстрируют различные траектории развития. Тридцать лет назад, стремясь к обособлению от союзного Центра, их политические элиты имели общую

© **Смирнов Вадим Анатольевич** – к.полит.н., докторант Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. **E-mail:** vsmirnov@kantiana.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020111120>

цель: становление независимых государств. Им принадлежала ведущая роль в формировании новых параметров политического функционирования, установлении на системной основе контроля над ключевыми институтами, определении целей и задач на будущее. Выбранные элитами пути и результаты трансформаций в каждом случае индивидуальны.

Единственные из бывших советских республик, властные группы которых добились присоединения к основным евроатлантическим интеграционным форматам – Латвия, Литва и Эстония. Лимнологическое положение, которым обладают три бывшие советские республики, находясь на стыке НАТО и ОДКБ, ЕС и ЕАЭС, делает крайне важным с точки зрения интересов РФ анализ основных тенденций, механизмов и перспектив взаимодействия на высших политических уровнях в Латвии, Литве и Эстонии.

Перемены в структуре властных групп

Выход стран Прибалтики из состава Советского Союза значительно изменил структуру их политических элит. Однако резкой одномоментной смены властных групп не произошло, укрепилась смешанная модель с одновременным сочетанием элементов циркуляции и репродукции элит.

Опыт советского периода сохранил свое воздействие на политический процесс вплоть до настоящего времени (рисунок 1).

Рисунок 1.

В первые годы независимости до 40% политических элит Литвы, Латвии и Эстонии составляли выходцы из экс-номенклатуры. Коалиции с представителями бизнеса (зачастую бывшие аппаратчики сами превращались в миллионеров) и админи-

стративно-хозяйственный опыт содействовали их политическому долголетию. Однако влияние экс-номенклатуры при определении стратегического курса своих государств не было решающим. Представители властных групп советского периода постепенно «вымываются» из политического процесса, их остается 5-10%.

Количество выходцев из бизнеса составляет свыше 30%. Присутствие бизнеса во властных группах наиболее характерно для Латвии, где на рубеже 2010-х гг. предприниматели занимали до 60% позиций в кабинете министров и до 30% в парламенте (рисунок 2).

Рисунок 2.

Зависимость партий от бизнес-кругов (миллионер В. Успасских контролировал Партию труда в Литве, миллионер А. Шкеле – Народную партию в Латвии, миллионер О. Осинковский – Социал-демократическую партию в Эстонии и т.д.), характерная для 2000-2010-х гг., к настоящему времени постепенно снижается.

Партии стали важным каналом и рекрутирования элит (например, «встраивание» экс-номенклатуры в элиту в новых условиях происходило на социал-демократических, центристских позициях), и одновременно инструментом борьбы. Конкурируя за власть, правящие группы стран Прибалтики в основном правых взглядов неоднократно добивались изоляции оппонентов. Классической иллюстрацией служит партия «Согласие», которую обвиняли в «пророссийских установках» и не допускали к формированию правительства Латвии несмотря на лидерство на выборах 2011, 2014 и 2018 гг. В 2019 г. ее некогда весьма популярный лидер Н. Ушаков был отстранен от должности мэра Риги. Ушаков безуспешно пытается восстановиться в должности в судебном порядке, в политике он участвует благодаря мандату депутата Европарламента.

Сформированные в странах Прибалтики партийные системы умеренного плюрализма остаются довольно фрагментированными. В меньшей степени это характерно для Эстонии, в большей – для Литвы и особенно для Латвии, в которой за 9 электоральных циклов в период независимости сменилось 21 правительство из представителей партий, победивших на выборах. В 2018 г. элитам Латвии понадобилось 109 дней после выборов, чтобы образовать правящую коалицию.

Мощный всплеск гражданской активности, развитие гражданского общества стран Прибалтики в период провозглашения их независимости содействовали оформлению новой, ранее не существовавшей властной группы – «политики морали» (рисунок 3). В ее составе: представители творческой и научной интеллигенции, участники «зеленых» движений, писательских организаций, христианских союзов, объединений за национальную независимость, обществ охраны памятников и т.д., имевшие амбиции изменить политический порядок. В основном они сумели выдвинуться по линии Конгрессов и Народных фронтов в Латвии и Эстонии, «Саюдиса» в Литве. В первые годы независимости «политики морали» доминировали, формируя до 55% состава властных групп. Подавляющее большинство не имели политического опыта и управленческих навыков, однако, пользуясь доверием общества, добивались значительных политических высот: писатель Л. Мери стал президентом Эстонии, музыковед В. Ландсбергис – председателем сейма Литвы, физик И. Годманис – премьер-министром Латвии.

Рисунок 3.

В условиях независимости их задачей была не столько отладка бюрократических механизмов, сколько легитимация нового политического порядка. Сегодня в составе властных групп количество представителей творческих и научных кругов по-

прежнему значительно, но свойственная в начальный период независимости функция «конструкторов» нового порядка к настоящему времени ими уже утрачена.

Решающее влияние на становление политических элит стран Прибалтики оказал утвержденный властными группами первых лет независимости (в первую очередь – «политиками морали» и представителями диаспор) принцип континуитета. В его основе тезис о «прерванной государственности» Латвии, Литвы и Эстонии в связи с их вхождением в 1940 г. в СССР и о ее «восстановлении» после 1990 г. Советский период квалифицирован как «оккупация». В отношении данных установок, в соответствии с которыми сформировалось поколение политиков уже без советского опыта, утвердился элитный консенсус. Их отрицание блокирует политическую карьеру. Принцип континуитета использован доминировавшими в начале 1990-х гг. элитами для консолидации своей власти с целью обезопасить новый политический режим и «отсечь» более опытную экс-номенклатуру и будущих конкурентов. Одновременно идея континуитета прочно вплетена во внешнеполитическую концепцию «возвращения в Европу», служившую обоснованием интеграции в ЕС и НАТО.

Старые расколы и новые вызовы

Относительно бесконфликтный выход из СССР и задача национального строительства в новых условиях потребовали поспешных и радикальных методов легитимации нового политического порядка и консолидации обществ. В основу режимов элитами Латвии, Литвы и Эстонии заложены схожие политико-правовые элементы: привилегированное положение титульных наций (институты «неграждан» в Латвии и Эстонии, тлеющий конфликт с польским меньшинством в Литве); криминализация отрицания «советской оккупации» в Литве и Латвии; уравнивание советской и национальной символики; ограничения на использование русского языка.

Укоренились неформальные практики внутриэлитного взаимодействия, ослабляющие политические институты. Их искоренению препятствует обильное рекрутирование во властные группы представителей бизнеса, тяготеющих к коммерциализации политики, а также сложившаяся еще в советские годы своеобразная традиция неформальных связей, в т.ч. коррупционных, как «акт протеста» против политики союзного Центра.

В результате выбранной властными группами стратегии «сплочения» в обществах стран Прибалтики сложились глубокие расколы – языковой, этнический и политический. Они не преодолены по сей день и оказывают системное влияние на внутреннюю и внешнюю политику, сужая арсенал доступных элитам политических инструментов. Вступление в Евросоюз и НАТО в 2004 г., несмотря на явное противоречие сложившегося порядка западному «канону» в сфере демократии и прав человека, не оздоровило ситуацию.

Потенциал этнических партий как механизма элитного рекрутирования ограничен. Карьерные перспективы предоставляют «обычные» партии – как правило, те, ядро которых составляют выходцы из экс-номенклатуры (Социал-демократическая партия Литвы) и умеренного крыла Народного фронта (партия «Согласие» в Латвии, Центристская партия Эстонии). В Латвии и Эстонии элиты этих стран ограничили

права нетитульных групп¹ и установили конкуренцию на выборах «для своих», что обусловило фасадный характер демократических институтов и укрепило влияние неформальных практик. В Латвии и Эстонии отмечено рекрутирование в правительство (в основном через партии титульного большинства: Партия реформ Эстонии, Партия реформ Латвии, «Единство») тех, кто имеет русское происхождение, но при этом с русской общиной слабо или почти не связан. Такие случаи не имеют массового характера, этнополитический раскол сохраняется². Попытки становления «прозападных» политических проектов с участием местных русских граждан («Европейское русское движение Латвии») не получают электорального отклика. Говорить о складывании в странах Прибалтики особых общин «европейских русских» преждевременно, хотя влияние на них членства в ЕС (особенно на молодое поколение) безусловно. Вместе с тем, как отмечает Р.Х. Симонян, элиты стран Прибалтики используют кризис на Украине «для дискредитации этнических меньшинств, прежде всего русских, для сведения политических счетов с оппонентами, которых теперь можно с еще большим общественным резонансом обвинить в связях с Россией, и как повод для усиления власти спецслужб» [Симонян 2019].

После вступления в ЕС и НАТО концепция «возвращения в Европу» была формально реализована, цель достигнута. Возникший идейный дефицит способствовал внутренним расколам, нарастанию недоверия общества к политическим институтам, укреплению популистских сил. В Латвии и Литве, в отличие от Эстонии, недоверие правительственным, парламентским властным кругам, представителям партийных структур стабилизировалось на уровне существенно выше среднего в Евросоюзе³.

Стремясь удержать власть, элитные группы регулярно используют инструменты из арсенала политического популизма. Элиты Латвии и Литвы подвержены влиянию восточноевропейской правой традиции, элиты Эстонии – больше североευропейской. Примечателен опыт Эстонии, где правопопулисты из Народно-консервативной партии ЕКРЕ стали важной частью правящей коалиции, Латвии – с популистской партией «Кому принадлежит государство», Литвы – с персоналистским политическим проектом Р. Паксаса, движением «Путь мужества» и пр.

¹ Ситуация с польским меньшинством в Литве отличается. Вместе с тем следует подчеркнуть, что «стремясь к завершению процесса национального строительства и обретению «полноценного» государства, правительство, невзирая на сосуществование Литвы и Польши в рамках одних международных союзов, использует дискриминирующие этнические группы средства» [Бусыгина, Онищенко, 2019].

² Американский исследователь латышского происхождения А. Плаканс отмечает, что элиты зря тратили время, строя прибалтийские страны на принципе доминирования одной нации – вместо этого, по его мнению, следовало пойти по пути северных соседей, добиваться создания благополучных социальных государств на основе мультикультурной модели [Плаканс 2016].

³ По данным Standard Eurobarometer №64 и №92, уровень доверия основным политическим институтам в странах Прибалтики в 2005/2019 гг. (в %): парламенту в Латвии – 25/19, в Литве – 19/13, в Эстонии – 46/40; правительству в Латвии – 29/28, в Литве – 27/32, в Эстонии – 55/43; партиям в Латвии – 8/6, в Литве – 11/9, в Эстонии – 18/13. Средний уровень доверия по ЕС в 2005/2018 гг.: парламенту – 35/34, правительству – 31/34, партиям – 17/19.

Находят свою электоральную базу и евроскептические идеи: в большей степени это свойственно для Эстонии (ЕКРЕ – отрицающий евроскептицизм) и Литвы («Избирательная акция поляков Литвы» – евроскептицизм частичного типа). Ситуация с укоренением евроскептических настроений в странах Прибалтики обращает на себя внимание, хотя и не является критической – образно говоря, «зеленый цвет светофора сменился желтым и указывает на приближающуюся опасность» [Austers, Bukovskis 2017]. В целом ориентация на ЕС сохраняется, однако доверие общества к основным властным институтам ослаблено на фоне применения практик фасадных демократий.

От внешнего влияния к «российской угрозе»

Трансформация элит Латвии, Литвы и Эстонии развивалась поэтапно, во взаимосвязи с внутренними политическими и социально-экономическими процессами, а также под внешним влиянием России, США и ЕС. Оказавшись после выхода из СССР на перепутье, общества стран Прибалтики довольно быстро приняли стратегию евроатлантической интеграции, предложенную властными группами нового времени. Смена ценностных ориентиров представителей элит опережала аналогичный процесс в обществе¹.

Существенный вклад в форсированную переориентацию на евроатлантическую группу государств внесли выходцы из зарубежных диаспор, которые покинули Латвию, Литву и Эстонию после присоединения к СССР и осели в основном в Северной Америке. Эмигранты, или как они себя называли «изгнанники», выполняли роль «хранителей» традиций досоветской Латвии, Литвы и Эстонии и одновременно «проводников» в политико-дипломатические круги США и Евросоюза. Принадлежность к государствам Евроатлантики содействовала их политическим карьерам, хотя и воспринималась населением и политическими конкурентами неоднозначно. При скромном количественном присутствии во властных группах (до 4%) представители эмигрантских кругов сумели занять в трех странах ключевые позиции в парламентском и правительственном сегментах, получить президентские полномочия.

Властные группы в качестве одного из опорных инструментов поддержания внутриэлитного консенсуса и сохранения контроля над политическими процессами использовали «российскую угрозу». Эта установка не была снята после вступления стран Прибалтики в НАТО, а наоборот была сделана системообразующей, причем до обострения отношений между государствами Евроатлантики и Россией в 2014 г. Во внутренней политике «российская угроза» служит сплочению элит, повышению их управляемости, позволяет ретушировать проблемы как в экономике, так и в сфере прав нетитульных групп. Во внешней политике она позволила странам Прибалтики

¹ Во время вступления в ЕС население Латвии оставалось «пассивным наблюдателем», в то время как властные группы страны пытались «сверху» формировать запрос на западную интеграцию [Ozolīna, 2005]. В. Урбелис утверждает, что «политическая элита Литвы способна добиваться общественной поддержки принятых уже заранее на высоком уровне решений» [Urbelis, 2007].

занять свою нишу в Евроатлантике, привлечь внимание Брюсселя и Вашингтона к обеспечению своей безопасности¹.

Безопасность трактуется властными группами Латвии, Литвы и Эстонии в широком смысле: Россия связывается с угрозой в военной, политической, экономической, гуманитарной сферах. Одним из приоритетов определена политика памяти, особенно о Второй мировой войне. Элиты стран Прибалтики, действуя во взаимной координации в Европарламенте, ПАСЕ, иных многосторонних институтах, содействуют дрейфу в ЕС от нарратива общей вины к нарративу общей угрозы. Тем самым создается дополнительная напряженность между РФ и ЕС. Наибольшей активностью в этом вопросе отличаются элиты Литвы.

Говоря об оформлении двух кластеров поляризации обществ прибалтийских стран (прозападный и антизападный), местные исследователи отмечают, что главная идеологическая линия раскола – это отношение к России [Kaprāns, Mierina, 2019]. Борьба с «российской угрозой» поддерживает «прибалтийское единство». Предпринимаемые элитами усилия по «демократизации» стран постсоветского пространства, в первую очередь Украины, Грузии, Молдавии и Белоруссии, сочетаются с конфронтационным подходом к Москве.

На отношения с РФ негативно влияет стремление элит стран Прибалтики к разрыву логистических, энергетических, культурных, образовательных и иных связей с Россией, ограничения на использование русского языка, историческая политика в духе уравнивания советского и нацистского режимов, требование компенсаций и перенос конфликтных двусторонних сюжетов на уровень ЕС. Сохраняются риски нарастания конфронтации, учитывая качественный и количественный рост военной инфраструктуры НАТО в данном регионе.

Выводы

В среднесрочной перспективе сохранение с незначительными страновыми нюансами конфронтационного подхода властных групп стран Прибалтики к отношениям с Россией наиболее вероятно. Отказ элит стран Прибалтики от более взвешенного подхода к континуитету государственности, который предусматривал бы преемственность без изъятий, учет не только досоветского, но и советского периода (такой взгляд предлагался, в частности, лидерами Народного фронта Эстонии), показал свою ошибочность [Межевич, 2016].

Политической воли отдельных представителей элит в разные годы (Н. Ушаков в Латвии, Р. Паксас в Литве, Э. Сависаар в Эстонии и иные) недостаточно, чтобы преодолеть негативную инерцию в российско-прибалтийском взаимодействии. Это же относится и к попытке нормализовать двустороннюю повестку через расширение биз-

¹ В. Воротников отмечает: «Трудно среди бывших советских республик найти государства, столь последовательно и неуклонно, нередко в ущерб собственному экономическому развитию, стремившиеся все эти годы к сознательному разрыву со своим прошлым и целенаправленной внешнеполитической и внешнеэкономической переориентации на Запад, – таковыми оказались три страны Балтии» [Воротников, 2019: 133].

нес-связей¹. Некогда крепкие деловые контакты российских инвесторов с партнерами в странах Прибалтики (в сфере транзита грузов и логистики, банковских услуг, недвижимости и т.д.) не привели к значимым позитивным подвижкам в политике элит Латвии, Литвы и Эстонии в отношении России. С 2016 г. РФ последовательно перенаправляет свои грузопотоки из портов стран Прибалтики в порты Северо-Запада. С 2020 г. деятельность российских торгпредств в этих странах приостановлена.

В российской политике на прибалтийском направлении автор рекомендовал бы придерживаться комбинированного подхода. С одной стороны, твердо отстаивать российские позиции (в т.ч. в части защиты соотечественников) на политическом двустороннем уровне; обращать внимание ООН, институтов ЕС и ведущих государств на проблемы «неграждан», факты необоснованных преследований политических и общественных деятелей, особенно представителей нетитульных групп; исходить из примата российских интересов в торгово-экономическом сотрудничестве; выступать против формирования консенсуса по вопросам исторической памяти на основе «угрозы с Востока». С другой стороны, не следует отказываться от взаимодействия с гражданским обществом стран Прибалтики. Целесообразно разяснять бесперспективность сохранения конфронтационного настроя по отношению к России, особенно учитывая тревожные социально-экономические и демографические тенденции в странах Прибалтики.

Снятие излишней политизации в двусторонних отношениях соответствует долгосрочным интересам обществ России и стран Прибалтики. Как отмечает Ал.А. Громыко, «с ускорением центробежных процессов внутри коллективного Запада политцентризм продолжает укреплять свои позиции. Появляется больше возможностей, используя взаимодействие ведущих региональных и глобальных центров силы и влияния, найти ответы на наиболее острые вопросы, поставленные историей после окончания холодной войны» [Громыко, 2017: 200]. Представляется целесообразным сохранять возможность для возобновления политического диалога в том случае, если элиты Латвии, Литвы и Эстонии (с учетом страновой специфики) продемонстрируют готовность к нормализации повестки.

Список литературы

- Бусыгина И.М., Онищенко А.Д. (2019) Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния. *Балтийский регион*. Т. 11, №1. С. 43–59.
- Воротников В.В. (2019) Евroatлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги. *Современная Европа*. № 7 (93). с. 124–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019124135>
- Громыко Ал.А. (2017) О насущном. Европа и современный мир. Нестор-История, Москва, Санкт-Петербург. 200 с.
- Межевич Н. (2016) Государства Прибалтики 2.0. Четверть века вторых республик. Русская книга, Москва.
- Плаканс А. (2016) Краткая история стран Балтии. Весь мир, Москва.
- Симонян Р.Х. (2019) Страны Балтии и Россия в контексте украинского кризиса. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 9. С. 61–68.
- Швейцер В.Я. (2008) Европа: большой опыт малых стран. *Современная Европа*. № 4 (36). С. 46–58.

¹ Говоря о малых странах ЕС, В.Я. Швейцер отмечает, что оптимальная основа для сотрудничества – торгово-экономическая [Швейцер, 2008].

References

- Austers A., Bukovskis K. (2017) Euroscepticism in the Baltic States: Uncovering Issues, People and Stereotypes. Riga: Friedrich Ebert Stiftung, University of Latvia, 240 p.
- Busygina I., Onishhenko A. (2019) Polozhenie pol'skogo men'shinstva v Litovskoj Respublike: vnutrennie i vneshnie faktory vlijanija. *Baltiyskij region*. T. 11, № 1. Pp. 43–59.
- Kaprans M., Mierina I. (2019) Ideological Polarization in Baltic Societies. A Cross-National Survey Report. Riga: University of Latvia, 87 p.
- Ozolins Z. (2005) Latvija eiropēizācijas krustceļos. Riga : LU Akadēmiskais apgāds, 135 p.
- Urbelis V. (2007) Lithuanian Strategic Culture. Lithuanian Annual Strategic Review 2006, Vilnius: Lithuanian Military Academy, 197 p.
- Gromyko A.I. (2017) O nasushnom. Evropa i sovremennyy mir. Nestor-Istorija, Moscow, S.-Petersburg, 200 p.
- Mezhevich N. (2016) Gosudarstva Pribaltiki 2.0. Chetvert' veka vtoroyh respublik. Russkaya kniga, Moscow.
- Plakans A. (2016) Kratkaja istorija stran Baltii. Ves' mir, Moscow.
- Simonjan R. (2019) Strany Baltii i Rossiya v kontekste ukrainskogo krizisa. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. T. 63. № 9. Pp. 61–68.
- Shvejcer V. (2008) Evropa: bol'shoj opyt mal'yx stran. *Sovremennaja Evropa*. № 4 (36). Pp. 46–58.
- Vorotnikov V. (2019) Evroatlantskaja integracija stran Baltii: nekotorye itogi. *Sovremennaja Evropa*. № 7 (93). Pp. 124–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019124135>

**Political elites of Latvia, Lithuania and Estonia during 1990–2019:
the main results of transformation**

Received 16.07.2020

Author: Smirnov V., Candidate of Sciences (Political), Department of Country Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** vsmirnov@kantiana.ru

Abstract. The article examines the transformation of power groups in Latvia, Lithuania and Estonia during the period 1990–2019: from the proclamation of independence of the Baltic states and the dismantling of the previous ruling institutions to the formation of a new political order by the elites. The objective is to identify the main factors of transformation of the channels and mechanisms for the recruiting of power groups and to determine the general and specific features of this process, to correlate them with the key decisions of the elites that have determined political priorities of the Baltic states. In order to quantitatively analyze changes in the composition of the elites, data from open sources on the background of 886 political figures in Latvia, Lithuania and Estonia were assessed. Up to 53% of evaluated cases are representatives of parliaments, 40% are members of governments, 7% are presidents and their advisers, meanwhile, 252 cases are from Lithuania, 271 – from Estonia and 363 – from Latvia (the greater number of registered parliamentary electoral cycles – 9- were registered in Latvia, along with 7 in Lithuania and 8 in Estonia). The analysis is based on parliamentary electoral cycles due to the parliaments decisive role in the political systems of the Baltic countries in accordance with the Constitution. The transformation of the power groups in Latvia, Lithuania and Estonia took place in a similar political and historical context. However, it is not correct to talk about a single “Baltic elite” as a community of power groups of the three countries consolidated at the interstate level. The general features of the transformation of power groups in Latvia, Lithuania and Estonia along with the peculiarities inherent in each country are revealed. Thus, among the elite of Estonia there are the fewest number of representatives of the ex-nomenklatura, Latvia is the leader in the number of proteges of business in power, Lithuania ranked first in terms of the number of politicians with foreign origins. Today, the Baltic states elites more often act like competitors than like-minded people, although they retain elements of political coordination, in particular, dealing with Russia.

Key words: elites, power groups, the Baltic countries, Latvia, Lithuania, Estonia, transformation, Russia.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020111120>